

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВСКИЙ

СОБЛАЗН ЗЛА

(С У Д Ъ Б Ы Р О С С И И)

„ЗЛАТОУСТ“

**РУССКОЕ ЗАРУБЕЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МЮНХЕН - ШЛЯЙСГЕЙМ**

1947.

Находятся в печати и выйдут в ближайшее время:

Цена

- А. С. ПУШКИН. «Капитанская дочка» 8 м.
ПРОРОЧЕСКАЯ БЫЛИНА. (Как Святые Горы
выпустили из каменных пещер своих
русских могучих богатырей). 7 м.
ДЕТСКАЯ АЗБУКА. Иллюстрир. издание в 4-х
красках (огранич. тираж на лучшей ме-
ловой бумаге). 15 м.
И. А. ГРЕБЕНЩИКОВ. «Необходимые сведе-
ния о святой литургии».

Готовятся к печати:

- А. С. ПУШКИН. «Бахчисарайский фонтан».
А. С. ПУШКИН. «Евгений Онегин».
Н. СОЛОДКОВ. «Сказки капитана Гранта» (для
взрослых).
Мих. ВАРЕНЦОВ. Сборник рассказов («Никто»
и друг.), вып. 1-ый.
А. П. ЧЕХОВ. Избранные рассказы, вып. 1-ый.
И. С. ТУРГЕНЕВ. Избранные рассказы, вып. 1-ый.
Н. В. ГОГОЛЬ. «Вий» (иллюстр. издание).
П. КРАСНОВ. «Аска Мариам» (рассказ).
Г. КРЕМЛЕВ. «Мельница в лесу» (Повесть).
Б. ГАГАРИН. Сборник рассказов.
Е. КОВАЛЕНКО. «Тохтамыш» (Отрывок из поэмы
«Москва») — иллюстр. издание.
Е. КОВАЛЕНКО. Стихи, книга 1-ая.
Русские музыкальные портреты —
Вып. 1-ый — А. Зверев. «П. И. Чайковский»
(богато иллюстр. издание).
Вып. 2-ой — Э. Агатгорн. «М. П. Мусоргский»
(богато иллюстр. издание).
И. К. СУРСКИЙ. «Отец Иоанн Кронштадский».
СБОРНИК РУССКИХ НАРОДНЫХ и ЦЫГАНСКИХ
ПЕСЕН.

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВСКИЙ

СОБЛАЗН ЗЛА

(С У Д Ъ Б Ы Р О С С И И)

«В судьбах настоящих и в судьбах будущих православного христианства, — в том заключена вся идея народа русского, в том его служение Христу и жажда подвига за Христа. Жажда эта истинная, великая и не переставаемая в народе нашем с древнейших времен, непрерывная, может быть, никогда, — и это чрезвычайно важный факт в характеристике народа нашего и государства нашего».

Ф. М. Достоевский.

„ЗЛАТОУСТ“

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МЮНХЕН - ШЛЯЙСГЕЙМ

1947.

Светлой памяти

НИКИ ПАВЛОВА

юного друга-единомышленника, горячего поборника Правды, Добра и Свободы, мученически погибшего за Россию в застенках Гестапо, посвящает свой скромный труд

АВТОР.

«Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений —
Возникнет праведная Русь!
Я за нее одну молюсь,
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах!»

М. В о л о ш и н.

Много лет тому назад—кажется, было это в медовый месяц революции 1917 года — попала мне в руки только-что вышедшая из печати, еще пахнувшая свежей типографской краской книжка «Русской Мысли», одного из лучших наших «толстых» журналов того времени. В ней был помещен рассказ, ни автора, ни названия, ни точного содержания которого я

уже не помню: слишком много впечатлений ворвалось тогда в жизнь каждого русского человека; было не до книг, не до вдумчивого чтения.

От всего повествования сохранились в памяти только какие-то отрывки—отдельные образы и картины—да глубокое, словами почти не выразимое ощущение чего-то непередаваемо-жуткого: чувство соприкосновения с тайною, заключенною в «прелести» (соблазне) зла,—когда дух захватывает от созерцания бездны, заглянуть и...ринуться в которую влечет и манит душу человеческую лукавый и мудрый Искуситель...

Твердо запечатлелось в сознании только одно: в рассказе говорилось о мальчике, о чистом еще в порывах своих ребенке, который слова молитвы Господней: «Но избави нас от лукавого»—привык, по детской нерадивости, произносить скороговоркою, неизменно пропуская лишь два маленьких словечка, так что получалось: «Но избави лукавого»... Проходили годы. Мальчик превратился в юношу; но детская привычка читать «Отче наш»; заканчивая молитву прошением об «избавлении» дьявола, осталась. Наконец, он и сам заметил это, начал задумываться над скрытым смыслом произносимых слов, пока не стал, уже сознательно, жалеть Люци-

фера и горячо молиться за него. Сладкая соблазнительность этой жалости, проистекавшей, казалось бы, из беспредельной веры в чудотворную силу всепрощающей любви божественного милосердия, дурманила сознание, опьяняла его: общность тайны с тем, «кого никто не любит и все живущее клянет», связывала, опутывала. Все больше и больше поддавался юноша сатанинскому искушению добротой, пока не завершилось все это постепенной победой злого начала над смятенной, но попрежнему полною благих побуждений душою человеческою.

Лишь вмешательство инока-старца спасло от окончательной гибели юношу, мучимого все новыми соблазнами, подпавшего под власть бесовских наваждений, в которых за маревом видений из мировых уже чувствовалось испепеляющее дыхание геенны огненной...

Безусловная непримиримость начал добра и зла между собою — вот мысль, составляющая стержень этого рассказа, смелостью темы и внутренней правдивостью своею приближающегося к гениальным творениям Достоевского.

Сегодня смысл повести становится еще глубже, еще шире замысла автора: в ней звучит для нас жуткое, хотя, быть может, и не осознанное тогда писателем про-

р о ч е с т в о—уже не об единичной судьбе одного человека, а о грозных судьбах целого народа, поддавшегося соблазну искушения и, в исканиях добра и правды, лукаво вовлеченного на гибельный путь лжи и зла.

* * *

Мы живем в страшное время. Начало ХХ-го века принесло с собою какой-то поистине чудовищный надлом и перелом в судьбах человечества, и трудно, бесконечно трудно осмыслить обрушившееся на нас нагромождение исторических потрясений и катастроф, в которых злоба, ненависть, жестокость, месть, подлость и предательство справляют свою оргию-тризну над останками Правды, Добра, Справедливости, Свободы.

Величайшая, кровопролитнейшая и разрушительнейшая война, как смерч, длившийся шесть лет, пронеслась над странами и народами нашей планеты. В мае 1945 года возвещено было ее окончание, и миллионы людей вздохнули облегченно, надеясь и веря, что «взойдет она—заря пленительного счастья». Немало прекрасных речей произнесено было с тех пор; немало состоялось встреч между государственными деятелями великих и малых держав; немало конференций собиралось

в крупных и мелких пунктах земного шара. Преисполненные благих намерений и добрых стремлений, все они говорили о прекращении вооруженных столкновений между народами, о наступлении новой, светлой эры в жизни рода человеческого.

Но мира нет. Жестокая, а во многих странах и кровавая действительность свидетельствует неоспоримо, что призрак Страха и Смерти продолжает Дамокловым мечом висеть над людьми, бросая черную тень на «хартии» и декларации глашатаев всеобщего благополучия. И мнится порою, что никакие мирные договоры не принесут умиротворения изверившемуся в торжестве права и справедливости человечеству.

Пытаться закрывать на это глаза бессмысленно и бесполезно. «Цивилизованное» человечество стоит на распутьи, и смутное, часто бессознательное ощущение апокалиптичности переживаемого определяет современное восприятие мира и жизни. Сумерки и закат западной—рационалистической—культуры возвещаются чуткими мыслителями, стремящимися в изменчивом потоке событий уловить пульс и сущность исторического процесса. Завершение эпохи «нового времени», наступление следующей эры земного бытия рода человеческого, рож-

дение новых культур или перерождение культур старых—таков основной мотив этих предчувствований будущего. В философии, в науке, в искусстве, в исторически как-бы застывших и казавшихся «вечными» религиозных представлениях намечаются сдвиги, размах и последствия которых еще не поддаются ясному учету.

Очевидно одно: бытие и сознание современного человека находятся на пороге иных форм мироощущения и жизнепонимания, чем в последние пять веков господства рационализма; и «культурные» народы, вчера еще бесспорно и монополюльно представлявшие «все человечество», стоят сегодня на грани либо духовного в о з р о ж д е н и я, либо духовного в ы р о ж д е н и я.

Государственные и политические деятели, вершители судеб наций и стран в настоящий момент, предпочитают—за редкими, единичными исключениями—не видеть с м ы с л переживаемой нами эпохи. Одни из них продолжают рассматривать историческую действительность, как столкновение и согласование интересов отдельных держав между собою; другие строят систему своей политической мудрости на принципе «борьбы классов»; третьи, хотя и твердят о «борьбе идей», обуславливающей ныне ход развития человечества, но не додумывают этого положения до конца

и сводят его на деле все к той же «политике интересов».

В итоге—мира нет, ибо нет единой и духовной основы, на которой можно было бы такой мир сколько-нибудь прочно построить.

Между тем, человечество уже распалось на два чуждых и враждебных друг-другу лагеря, на два безусловно непримиримых стана. Столкновение между ними совершенно неизбежно,—но не обязательно в плоскости политических конфликтов, в сфере экономических и социальных отношений или по линии военных действий, ибо здесь, в области «материи», компромиссы и соглашения всегда возможны. Столкновение это идет и будет идти в области духа,—борьба извечных начал Правды, Добра и Свободы с неправдою, злом и насилием: «Дьявол с Богом борется, а арена борьбы — сердца человеческие», по слову Достоевского.

В этом и только в этом—содержание, сущность и смысл великих и грозных событий наших дней.

* * *

«Страшный и умный Дух, Дух самоуничтожения и небытия» (так определяет Искушителя Достоевский) знает слишком хорошо, что в первоначальной основе сво-

ей природа человеческая блага и непорочна; что она лишь искажена и обременена тысячелетним игом греха. Ложь и зло—это нечто вторичное, производное, не мыслимое и не постигаемое иначе, как отрицание истины и добра. Ложь—это только нарушенная правда, а зло—лишь извращенное добро. Но и обратно: неполная, внутренне порочная правда неизбежно становится ложью, и нарушенное в своей целостности добро неминуемо вырождается в злое начало.

И, если до появления Христа на земле, «естественно» было известное смешение обоих понятий; если нередко стирались в сознании человеческом грани между добром и злом, то христианство сделало это окончательно невозможным. Ясен стал акт грехопадения, когда злое начало вошло, как действующая сила, в мир. Действительностью стала великая тайна и скупления, которым сломлена была власть зла и открылся человеку путь Истины и Жизни. Осмысленною стала земная история рода человеческого через обетование вечного возмездия, грядущего торжества Добра и Правды.

Лишь поколебав одну из этих трех опорных точек, к которым неразрывно прикреплены участь людей на все время

их земного существования, можно потрясти судьбы и отдельного человека, и целых народов, и всего человечества. Не война и не террор, не голод и не мор таят в себе гибель для человека, но разрыв его бытия и сознания с тремя мистическими актами—грехопадения, искупления и возмездия,—верю в которые он живет.

Лукавая диалектика, стирая постепенно границы между добром и злом, искажая смысл окончательного торжества Божьей Правды и безусловной победы доброго начала в мире над злым, стремится поколебать именно эти три мистических акта, засорить в человеке источник его ведения о себе, отравить родник воды живой, из которого он только и черпает свои силы.

Особенно опасна эта сатанинская диалектика тем, что опирается она вначале не на злые, а на добрые стороны в человеческой природе: божеское в человеке подстрекается к восстанию и бунту против Бога,—не только во имя правды и добра, но и во имя свободы.

Ибо, подобно истине и добру, и свобода—это то вечное и первозданное, к осуществлению чего стремится природа человеческая в своей первоначальной чистоте:

разум—к истине,
чувство—к добру,
воля—к свободе.

«Дух дышит, где хочет»: Он не терпит ни внешнего принуждения, ни — тем более—раболепного низкопоклонства. Истина и добро не полноценны в плане божественного мироздания, если они не осуществляются человеком свободно, а поэтому нет и полноценной человеческой личности без свободы, без свободы духовного творчества. Без нее мертвоет и костенеет язык мыслителя, писателя и поэта, и художник превращается в ремесленника; без нее увядает мысль и гаснет вдохновение; чахнет дарование, талант и гений; умирает искусство и наука; иссякает великий, божественный дар слова, и литература превращается в какой-то жалкий подголосок той или иной «политграмоты». Поэтому и всякое умаление свободы духа неизменно оказывается нарушением и поруганием божественного начала в человеке.

Но как нарушенная правда превращается в ложь, а искаженное добро становится злом, так и извращенная свобода неминуемо претворяется в свою противоположность, переходит в соблазн и искушение, вырождается либо в разгул и

распущенность, либо в насилии и произвол.

* * *

Н. В. Гоголь сказал когда-то, что дьявол—«обезьяна Бога». Надевая на себя личины Правды, Добра и Свободы, он искажает эти извечные, божественные начала и сеет лишь ложь, зло и рабство. Все творчество Гоголя — непрерывная и упорная борьба с чортом, а оружие его в этой борьбе—смех, холодный и острый клинок сатиры: зло жалко, ничтожно, смешно в своем безобразии, как жалок, смешен и ничтожен сам чорт. Одного не видел, не хотел видеть писатель: великого соблазна искушения, который опирается на врожденное человеку чувство К р а с о т ы, когда злое начало является взорам в облике чего-то поистине прекрасного, вернее—к а ж у щ е г о с я прекрасным; в облике, в котором нет ничего уродливого, смешного, «комичного».

В своей юношеской поэме «Демон» М. Ю. Лермонтов рисует образ Соблазителя, опасный именно своею трагическою красотою, влекущей к себе доброе и высокое стремление «помочь» и «спасти», заложенное в божественной природе души человеческой:

«О, выслушай из сожаленья:
Меня добру и небесам
Ты возвратить могла бы словом, —
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел, в блеске новом—

вот слова искушения, которыми «Царь познания и свободы» улавливает в свои сети чистое сердце Тамары. Клятва Демона звучит еще более ярким исповеданием добра и любви, рассеивающим последние сомнения, боязнь и недоверие:

«Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру,
Слезой раскаянья сотру
Я на челе, тебя достойном,
Следы небесного огня, —
И мир, в неведеньи спокойном,
Пусть доцветает без меня!»

Зло замаскировалось, притаилось. Но лишь только душа человеческая подда-лась искушению и соблазну, как спадает личина, и Искуситель предъявляет свои права:

«На сердце, полное гордыни,
Я наложил печать свою,
Здесь больше нет твоей святости,
Здесь я владею и люблю!»

Начинается открытая борьба Дьявола с Богом, о которой говорит Ф. М. Досто-

евский. Никто из богословов, философов и художников слова во всей мировой литературе не заострил и не углубил этой темы, составляющей в сущности содержание жизни и истории человеческой, так полно и беспощадно, как этот гениальный писатель-пророк. В его творениях встают перед нами уже такие образы, как Шигагалеv и Ставрогин, Свидригайлов и Раскольников, вступивший на путь прямого о п р а в д а н и я злого начала, Смердяков и Иван Карамазов, «почтительно возвращающий свой билет» Богу,—образы не просто грешников «по немощи плоти», а сознательных богоборцев, поддавшихся соблазну зла в его высшей и страшной степени гордого вызова своему Творцу, вызова, стоящего на грани «хулы на Духа Святаго». И никто так, как Достоевский, не вскрыл внутреннего порока и корня злого начала.

Корень в с я к о г о зла и источник, его питающий, неизменно один: это—л о ж ь. Дьявол—«лжец и отец лжи», по слову Спасителя. Из этого корня вырастают на земле неправда и несправедливость, ненависть и злоба, разгул страстей и инстинктов, насилие, произвол, рабство. Ложью начинается и ею питается каждое грехопадение—и отдельного человека, и народных организмов.

История человечества знает целые государства, построенные—под личиной Правды, Добра и Свободы—на обмане, ненависти и рабстве. Нам известны страны, где все от мала до велика лгут или вынуждены лгать. Лжет «возлюбленный вождь»; лжет его правительство; лгут печать, радио, театр, кино, литература; вынуждено лгать «благодарное» население, спасая жизнь или жалкую пародию на благополучие. Мало того: явная, наглая ложь торжественно провозглашается «истиной»; очевидное, неприкрытое зло именуется «добром»; жесточайшее рабство и надругательство над личностью человеческой объявляется «свободой».

От рабов требуется при этом не только слепое подчинение «мудрому» и «гениальному» водительству, но и непрерывное выражение восторга и преклонения, постоянное восхваление жертвою своего палача, непрерывное воскурение фимиама перед «великим», «любимым», «единственным»...

А ведь родилось и выросло это чудовищное исчадие ада из подлинного и искреннего стремления тысяч и тысяч людей к истине, добру, справедливости и свободе, из вековой жажды народных масс к «правде» и «воле»!

Об одном только забыли—о самом

главном: решили построить величественное здание земного счастья и благополучия без Бога. Возвестили «правду»— и опутали народ и себя такой паутиной лжи, что от «правды» остались разве лишь миллионы листов газеты, самое название которой так резко расходится с ее содержанием. Провозгласили торжество «добра»— и задыхаются от бесовской злобы, заливая землю потоками крови, стремясь заглушить стоны истязаемых. Декларировали «свободу»— и установили такую кабалу, что самые мрачные страницы в истории человечества кажутся просветами по сравнению с жуткой действительностью, царящей под знаком «солнечной» конституции...

«Если Бога нет, то все позволено»,— провидел Достоевский. А соблазн зла и заключается как-раз в искажении Истины, Добра и Свободы через их отрыв от своего божественного источника, от Бога, Который прежде всего Любовь. И завет апостола: «пусть языком твоим говорят ангелы, но если в словах твоих не будет любви, то они будут медью звенящей и кимвалом бряцающим»—этот завет встает перед миром, как единственное мерило истины и лжи, добра и зла, свободы и рабства.

Распространенное представление, что политические и социальные движения, выносимые наверх девятым валом революционных бурь, оказываются победителями только потому, что обращаются они к инстинктам масс, в основе своей неверно. Победа «великих» по историческому значению своему революций обуславливается в первую очередь тем, что неистребимы в человеке и стремление к истине, и напряженное желание осуществить какую-то правду на земле, и постоянное искание добра, свободы и высшей справедливости.

Не инстинкты, а высокие и идеальные порывы являются двигателями человеческих масс в исторические моменты их бытия и развития, и, если нарушенная правда становится ложью, искаженное, лишенное божественного огня добро превращается в свое отрицание и в свою противоположность, а извращенная свобода вырождается в разгул или в рабство,—то это внутренний порок в с я к о й диалектики «от лукавого».

Поэтому и могла родиться поэма Александра Блока «Двенадцать». Поэтому и историческая действительность, нами наблюдаемая, представляется как-бы не-

прерывной цепью отпадений человека от своего Творца, поруганием Его творения, конечным торжеством и владычеством зла.

Мы знаем, что это очевидное явление есть нечто временное; что стоит только сбросить с себя ярмо греха и последовать за Спасителем, как мы почувствуем себя так же радостно и безмятежно, как первый человек до грехопадения:

«С души, как бремя скатится:
Сомненья далеко—
И верится, и плачется,
И так легко, легко!...»

Мы знаем, что неразруσιμο и бессмертно по естеству своему христианское общество, пока оно остается—не по имени только—х р и с т и а н с к и м.

Да, все это знаем мы давно. И не потому ли эти мысли неизбежно наталкиваются на глухое сопротивление окружающей среды, и людская масса воспринимает, в обстановке мирской суеты, слова о Правде и Добре, как что-то «избитое», «ненужное», «скучное», «назойливое» и «уже надоевшее»? И не лежит ли прелесть зла отчасти в «новизне» и „оригинальности“ взрощенных им систем и учений?

Всеми сознается необходимость политического, хозяйственного и социально-

го оздоровления человечества, потрясаемого одним кризисом за другим; живо и болезненно ощущается потребность в культурном, т. е. духовном, обновлении. Но если не только христианство, а и другие великие религии—особенно, буддизм—оказываются несовместимыми с доктринами мира сего, сулящими человечеству спасение и благополучие вне Бога, то ж и з н е н н ы й стиль современности выражается почти исключительно „экономическим материализмом“. При всей своей философской несостоятельности, он на практике определяет собою одинаково и социалистические и капиталистические формы человеческого общежития, стремится свести весь смысл божественного мироздания к категориям хозяйственных отношений. Человек превращается, по меткому сравнению проф. Успенского, в двухмерное плоское существо, способное двигаться лишь по двум плоскостям—производства и потребления. Господствующим становится тип полуавтомата-робота, бездуховного и безкультурного.

Элементарная в своей предельной пошлости формула: „Единственными двигателями исторического развития и прогресса являются голод и половое чувство“,—не только духовно убога, но и „научно“ несостоятельна, ложна. И, однако, не со-

ставляет ли она, начиная от грубо-циничных материалистических течений и кончая утонченными в своей „эстетичности“ модными вещаниями, основного содержания теорий, учений и просто жизненного ощущения современности, в своем отрыве от божественного источника всего сущего особенно легко поддающихся „прелести зла“?

* *
* *

Построить братство людей, а—тем более—братство народов на категориях производства и потребления, на „социологических“ факторах голода и полового чувства или на „хартиях“ политического рационализма и утилитаризма—мыслимо, может быть, теоретически, но на деле невозможно, неосуществимо. Прекращение войн, и международных и гражданских,—задача политически, социологически и экономически неразрешимая. Ни одна политическая, хозяйственная или социальная система, как ни один государственный строй, не являются сами по себе воплощением начал истины, добра и свободы. Без религиозной основы, оторванные от Бога и Правды Божьей, они неизбежно становятся—в той или иной степени—носителями неправды, зла и насилия.

Но как объяснить современному че-

ловеку, не желающему видеть смысл всего происходящего, что без глубокого, внутреннего, религиозно-нравственного возрождения все мечты о „земном рае“, все самые „прекрасные“ хартии и декларации—пустые слова, плоть, лишенная жизни и духа.

«Мыслят устроиться справедливо», говорит старец Зосима в романе «Братья Карамазовы»: «но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь, а извлечший меч погибнет мечом. И если бы не обетование Христово, то так и истребили бы друг-друга даже до последних двух человек на земле».

И, наконец, основное и больное для нас: как помочь родному народу, после пережитого им лихолетья, выйти на путь духовного воскресения, как заставить широкие круги его интеллигенций понять, что вне Святой Руси, вне христианства, вне Православия нет и не будет России, той духовно великой и душевно прекрасной России, культура которой по яркости и многогранности, по внешнему и внутреннему богатству едва ли знает что-нибудь равное себе в этом мире?

Где найти силу убеждения и дар пророка, чтобы „глаголом жечь сердца людей“ и заставить их проникнуться пламенной любовью к той православной Руси; что

«поддалась лихому подговору,
отдалась разбойнику и вору,
подожгла посадки и хлеба,
разорила древнее жилище —
и пошла — поруганной и нищей
и рабой последнего раба?»

Невольно вспоминаются замечательные строки своеобразного и гениального русского мыслителя В. В. Розанова:

«Потому так упорно каждая Церковь противится слиянию с которой-нибудь другой, что в сущности не в догматах только, но во всем своем внутреннем сложении, в каждой черте своего характера, она есть нечто глубоко своеобразное и совершенно особенное от прочих Церквей. И это потому, что жизнь, которая бьется в них, бьется в каждой по особому типу.

И, однако, одно Евангелие и один дух светится в нем. Если мы захотим дать себе отчет, который из трех типов жизни соответствует ему, мы непреодолимо и невольно должны будем сказать, что это — дух Православия. Когда нам будут указывать на неизъяснимое величие Католицизма, на безбрежность мысли, заложенной в нем, которую он увит и обоснован с седой схоластики и до наших дней, — мы согласимся со всем этим и признаем также, что ничего подобного нет в нашей Церкви и ее истории. Если нам будут указывать на плоды Протестантизма, на эту богобоязненность жизни, на свободу критики в нем и высокое просвещение, которое отсюда вытекло, — мы скажем, что все это видим и никогда не закрывали на это глаз. Мы спросим только: но христианство, но

дух евангельский, но то, чему учил нас словом и жизнью Спаситель? Ничего нет у нас, ни высоких подвигов, ни блеска завоеваний умственных, ни замыслов направить пути истории. Но вот перед вами бедная церковь, вокруг рассеянные, около нее группирующиеся домики. Войдите в нее и прислушайтесь к нестройному пению дьячка и какого-то мальчика, Бог знает откуда приходящего помогать ему. Седой высокий священник слушает всенощную. Посреди церкви, на аналое, лежит образ, и неторопливо тянутся к нему из своих углов несколько стариков и старух. Всмотритесь в лица всех этих людей, прислушайтесь к голосу их. Вы увидите, что то, что уже утеряно всюду, что не приходит на помощь любви и не укрепляет надежды, — вера — живет в этих людях. То сокровище, без которого неудержимо иссыкает жизнь, которого не находят мудрые, которое убегает от бессильно жаждущих и гибнущих, — оно светится в этих простых сердцах; и те страшные мысли, которые смущают нас и тяготят мир, очевидно никогда не тревожат их ума и совести. Они имеют веру, и с нею надеются, при ее помощи любят. Что в том, что дьячек невнятно читает на клиросе молитвы: но он верит в смысл их, и те, которые слушают его, нисколько не сомневаются, что за этот смысл он умрет, если будет нужно, и внидет в царство небесное: как и все они умрут и по делам своим примут мзду, к которой готовятся.

С этим покоем сердца, с этой твердостью жизни могут ли сравниваться экзальтации протестантизма и всемирные замыслы великой и гибнущей Церкви? Уныние в первом, тоскующее желание во второй, не есть ли симптомы утраты чего-то, без чего храм

остается только зданием и толпа молящихся — только собравшиеся толпою? И весь блеск искусств, которым они окружают себя, эта несравненная живопись, эта влекущая музыка, эти величественные кафедры — не вытекает ли все это из желания пробудить в себе то, что в тех бедных молящихся никогда не засыпало, найти утраченное, что в той невидной церкви не было потеряно? Весь необъятный порыв желания, которым полна и трепещет Европа, не есть ли только желание залить великую грусть, которую она хочет и не может пересилить; и вся красота, величие и разнообразие ее жизни, ее цивилизации не напоминает ли великолепную ризу, в которую никогда более не облечется священник?

Так-то произошло в истории это необъяснимое и глубокое явление, по которому «у неимущего отнялось и имущему прибавилось». В прекрасном евангельском образе Марии и Марфы, принявших в свой дом Спасителя, как-будто высказаны эти неисповедимые судьбы Церкви. Марфа, когда вошел Он, смутилась и заторопилась; она думала о богатом угощении и, в хлопотах о нем, забыла даже о Том, для Кого оно. «Мария же, сестра ее, села у ног Иисуса и слушала слова Его». Измученная и раздраженная на нее Марфа подошла к Учителю и сказала: «Господи, или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить?» — И тогда произнес Он слова, в которых звучит смысл всей жизни и истории: — «Ты заботишься о многом, Марфа, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее».

Нашей Святой Церкви, по неисповедимым путям Промысла, суждено было избрать

это «единое», которое только и нужно. Она только верила в Спасителя, слушала слова Его. Будем молиться, чтобы эта вера никогда не была отнята у нас, и не будем, по завету Учителя, сожалеть, что наши суетливые сестры так много успели сделать».

* *
* *

Мучительный вопрос волнует ныне душу каждого русского православного человека: Сохранился ли еще дух Православия, это величайшее сокровище, завещанное нам нашими предками, там,—в стране, которой принадлежат все наши помыслы, чувства, и чаяния; в стране, которая, во всей греховности своей, по праву именовалась Святою Русью? Жива ли там, на родной земле, Церковь Православная, или уже погребена она под развалинами своих древних храмов, обителей и монастырей,—убитая „диаматом“ и безбожием, духовно растленная всякими обновленческими, живоцерковными и сектантскими соблазнами или ядом новоявленного цезарепапизма? Мыслимо ли и осуществимо ли восстановление духовной ткани русской культуры, душою которой в течение тысячелетия было Православие —с его неискаженной верою во Христа-Богочеловека, как единственного источника и пути Жизни, Истины и Добра?

И не являемся ли мы, изгой—разбро-

санные и разметанные по всему миру обломки и осколки исторической России,— последними хранителями русской культурной традиции и унесенного с собою в изгнание светильника веры православной, который мы бережно и трепетно должны будем пронести через все непогоды и бури житейские и донести, не угасив, до родной земли? Не выполняем ли мы этим свою историческую и культурную миссию перед русским народом (что одно, быть может, составляет все нравственное оправдание нашего существования за рубежом)?

Мучительны эти вопросы, страшен яд сомнения, отравляющий душу, ослабляющий волю...

Кто же как не мы, писатели, служители Слова, поборники Правды, Добра и Свободы, понесет на родную почву завещанные нам героями и подвижниками русскими семена ее духовного просветления и возрождения? Кто же, как не мы?

И когда из нашей же среды раздаются голоса о том, что мы занимаемся неблагоприятным делом провозглашения „неоспоримых и общеизвестных истин“, или что мы „ломимся в широко открытую дверь“,—то не чувство недоумения охватывает нас, нет—но сознание, что мы говорим с оппонентами нашими на разных

языках, что мы движемся в и н о й плоскости восприятия и мысли, чем они.

Никакое „знамя солидарности“ не может заменить евангельской правды, и всякая подмена христианского мировоззрения и жизнеощущения новыми „измами“, пусть даже окрашенными в соблазнительные и модные ныне цвета,—должна быть отвергнута решительно и недвусмысленно.

„Кто не со Мною, тот против Меня“—этих слов Христа, кристально-ясных в своей предельной простоте, невозможно окутать никакими софистическими поправками и оговорками, никакими туманами самых стройных систем, воздвигаемых на домыслах человеческого рас-судка.

„Ты заботишься о многом, Марфа, а одно только нужно...“

Это одно, единственно важное—особенно в наши дни переоценки всех ценностей,—не позволяет стоять „по ту сторону добра и зла“. Оно требует прямого, четкого, честного, определенного и с в о б о д н о г о решения и выбора, больше того—налагает на нас долг исповедничества. И, как бы ни побивали нас морально камнями,—настойчиво и упорно мы будем исповедовать и проповедовать то „единое“, о котором говорил Спаситель: самое главное.

Пусть многие предпочитают досадливо отмахиваться от „неоспоримых и общеизвестных истин“, как от чего-то, повидимому, мешающего проведению в жизнь того или иного „изма“. Истины эти уже не могут быть „сданы в архив“: дело идет не о политических, экономических или социальных теориях и учениях, не о философских спорах, а о вопросе жизни и смерти—вечной жизни или вечной гибели.

Не только перед каждым из нас,— перед Россией в целом стоит роковой вопрос ее судьбы.

Россия скажет еще свое слово. И ждать осталось недолго, ибо исполнились сроки. Свой ответ Земля Русская должна будет дать миру:

«О Русь! В предвиденьи високом
Ты гордой мыслью занята:
Каким же хочешь быть Востоком—
Востоком Ксеркса иль Христа?»

Заказы выполняются по получении стоимости
изданий или наложенным платежом.

Адрес издательства:

„Zlatoust“

München-Feldmoching UN-RA Lager 1066

Br. 113/17.

Готовится к печати

Альманах

и младшего возраста

„Дер Бочки“

БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Находится в печати и на-днях выйдет в свет

ХУДОЖЕСТВЕННО ЛИТЕРАТУРНЫЙ

И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

„У ВРАТ“

Под редакцией А. И. МИХАЙЛОВСКОГО

Сдан в набор номер 1-ый

журнала для юношества

„РАЗВЕДЧИК“
